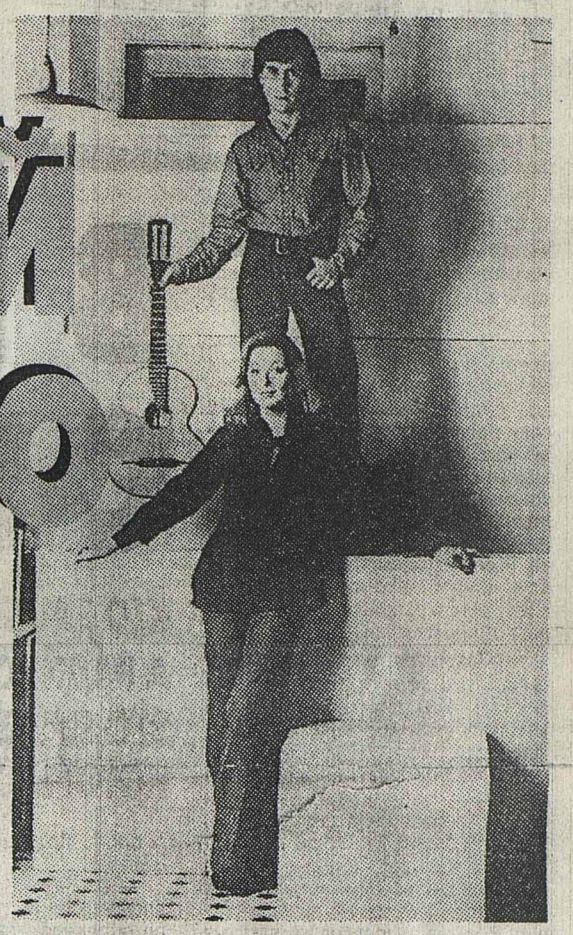
23.01.98.

Заслуженная артистка России Валентина Малявина хорошо известна зрителям по работам в театре и кино. Она сыграла в «Ивановом детстве», «Короле-олене», «Осенних соблазнах», во многих других фильмах. Жизнь Валентины Малявиной наполнена удивительными событиями: Венецианский фестиваль, триумф «Иванова детства» по всему миру, работа в Вахтанговском театре. И вдруг — катастрофа, тюрьма. На всех жизненных поворотах ее окружали необыкновенные люди. В последние годы Малявина работает над книгой «Услышь меня, чистый сердцем», главы из которой печатались в периодических изданиях. Сегодня мы предлагаем читателям главу из будущей книги Валентины Малявиной, посвященной ее встречам с Высоцким.

В ЭТИ ДНИ ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 60 ЛЕТ

ВАЛЕНТИНА МАЛЯВИНА

ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ



Очень давно Елизавета Григорьевна Волконская рекомендовала меня самому строгому педагогу школы-студии при МХАТе Кареву Александру Михайловичу. Карев назначил мне день, чтобы я пришла почитать стихи, прозу и проконсультироваться — стоит ли мне поступать в театральный институт.

Была зима. Я подошла к Художественному театру, сердце мое от испуга и восторга выделывало кульбиты. Поднимаюсь по ступенькам в школу-студию, в коридоре меня встречает парень с красной повязкой на рукаве. Спрашиваю его:

— Как мне повидать Карева?

— Он на занятиях,— отвечает парень.— Подожди.

Сели рядышком. Молчим. Он посматривает на меня, а я вся раскраснелась от волнения перед встречей со знаменитым педагогом. Парень говорит:

— Не волнуйся. Артисткой хочешь быть?

— Да.

— Дело трудное. Артист не имеет права трусить. Успокойся.

Опять молчим. Волнение от молчания совсем захлестывает, и я спрашиваю парня:

— А ты дежурный?

— Дежурный.

— Постоянный? — нелепо продолжаю спрашивать.

Парень расхохотался.

— Может быть, и постоянный. Хочешь я буду дежурным по твоей жизни? Постоянным.

— Как это?

— А так! Мало ли чего? А я тут как тут.

Я спросила:

— А как тебя зовут?

— Володя. Володя Высоцкий.

— Хорошая фамилия,— говорю.

Он спросил в свою очередь:

— А тебя как зовут?

— Валя Малявина.

— Тоже хорошо,— сказал Володя.— Малявина Валя. Нет, лучше, как ты сказала: Валя Малявина. Мягче.

Володя пошел к Кареву сказать, что я пришла. Вскоре он вернулся и шепнул:

— Ну, с Богом!

Я стала читать о Катюше Масловой. Читала ужасно. Горло пересохло. Кое-как добралась до конца отрывка. И тем не менее Карев сказал:

— Весною приходи. И, пожалуйста, так не волнуйся. Все совсем неплохо.

Вышла в коридор к Володе.

— Струсила,— говорю.

А Володя:

— Ну-ну, ну-ну,— коротко так.— Ну-ну,— и только.

— Все равно я буду актрисой и буду учиться здесь.

— Вот и молодец! И не забывай — я твой дежурный. У тебя есть собственный дежурный.

Проводил меня вниз и все напевал: «Я дежурный по апрелю...».

Весною стала поступать, и меня приняли в два института: в Щукинское и в школу-студию МХАТ. Пошла во МХАТ, у меня там был свой дежурный.

Мы с Володей всегда были рады друг другу. Видела его разным, но во всех своих проявлениях Володя оставался и остается для меня родным человеком. Особенно ярко открылся он мне в своей любви к Марине Влади.

После премьеры фильма «Король-олень» Вадим Коростылев, Паша Арсенов и я беседуем в ресторане ВТО за изысканным ужином. Очень трудной, что называется, нетвердой походкой идет к нам Володя Высоцкий. Павел хотел поставить стул для Володи, но он сказал:

— Извини, Паша,— и присел ко мне на стул: я — на одной половинке, он — на другой.

Павел заказывает ему ужин, он отказывается и ест вместе со мною из моей тарелки. Еще раз извинился и попросил разрешения побеседовать со мной.

— Я люблю Марину до сумасшествия. Она уехала в Париж. Что мне делать?

— Жди.

Вот еще в чем дело: Володя знал, что мы с Мариной работали в Румынии в одно и то же время: я — в фильме «Туннель», Марина Влади — в фильме «Безымянная звезда». Ее партнером был известный и очень красивый румынский актер Кристи Авраам. Кристи тоже был до сумасшествия влюблен в Марину и после окончания съемок уехал с ней в Париж, бросив на произвол судьбы все свои знаменитые роли в Национальном театре. Володе очень хотелось услышать от меня об этом романе, но я не стала говорить на эту тему. Рядом с нашим столиком ужинал Боря Хмельницкий. Он все поглядывал на Володю, беспокоясь за него. Неожиданно Володя меня предупредил:

— Ты не бойся. Я выйду в окно. Тихо-тихо... Не хочу возвращаться через зал.

И вышел. Я не помешала. Окно узенькое, в одну раму. На первом этаже располагался наш удивительный ресторан. Боря Хмельницкий нырнул за Володей...

В Театре Вахтангова была премьера «Неоконченный диалог» — о чилийских событиях. Альенде играл Юрий Васильевич Яковлев, а роль его дочери Тати исполняли Катюша Райкина и я. Художником спектакля был Борис Мессерер. Бэллочка Ахмадулина смотрела спектакль. Потом был банкет. Я не могла скрыть своего удрученного состояния от того, что происходило на сцене. Бэллочка меня не успокаивала, а просто сказала:

— Пойду позвоню Марине. Идем со мной.

Мы пришли в другую комнату. Большой письменный стол у окна, напротив — постель, телефон на полу.

Помолчали. Володя говорит мне:

— Только что заступился за тебя. Одна актриса... неважно кто... там в комнате сказала, что ты пьешь. Я спросил ее, словно не знаю тебя: «А книжки она читает?»

— Да... и много, наверное,— ответила актриса.

— Говорят, что она рисует? — интересуюсь я.

— Да-да, я видела ее работы.

— Она что-то сочиняет-пишет? — продолжаю я.

— Говорят,— отвечает.

— Играет много в театре... и хорошо,— наступаю я.

— Да-да, много... и хорошо,— соглашается она.

И тогда я спросил ее:

— А когда же она пьет?

Мы расхохотались, и Володя стал звонить Марине в Париж. Я повернулась к столу. На столе лежали совсем новые стихи Высоцкого, записанные простым карандашом. Он предложил мне почитать их. Стихи о больном человеке, о срыве, который с ним приключился. Мне думается, они были написаны Володей после гастролей в Болгарии, где он себя плохо почувствовал.

Володя дозвонился Марине. Нежно, очень нежно говорил с ней. Потом спросил:

— Ну, что стихи?

— Страшно.

— Да. Это все страшно. Очень страшно. Лучше расскажи мне о Румынии.

— Что, Володя, рассказать? В Румынии было хорошо! Сару Монтьель любил Ион Дикисяну. Меня — Флорин Пиерсик.

— А Марину?

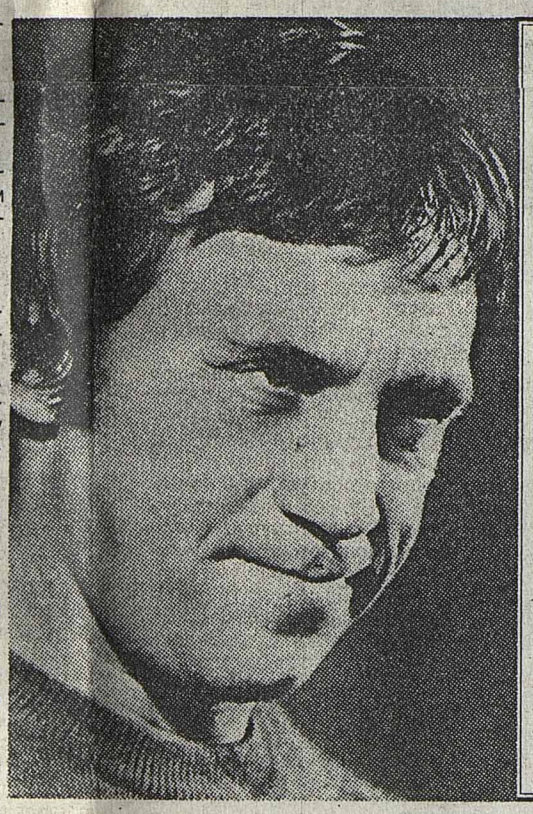
— Кристи Авраам.

— Действительно, здорово!

Мы вернулись к гостям. Пили красное французское вино. Беседовали. Постепенно гости расходились.

— Не уходи,— попросил меня Володя.

Я ушла под самое утро, чуть ли не последней. Когда прощались, он сказал: «Помни... мало ли что... Я тут как тут... Я твой дежурный».



Владимир Высоцкий

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу, —
На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой потяну, подновлю, подвинчу!

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
Все, что ночью кропаю, — в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу, —
Но не буду скользить словно пыль по лучу!

...Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, —
Я умру и скажу, что не все суета!

1978

— Вам надо отвлечься. Сегодня юбилей Жени Евтушенко. Он теперь у Володи Высоцкого. Поехали к Володе.

И мы поехали на Малую Грузинскую.

Лифтер в доме Володи мерзким голосом спрашивает:

— Вы к кому? К этому? К Высоцкому?

Отвратительное лицо у лифтера. И почему он работает в этом замечательном доме? Стукач, наверное.

Володя открыл дверь. Обрадовался нам. Расцеловались.

— Наконец-то — знакомые лица вижу!

Народу — уйма!

— Боже, Володя, сколько гостей у тебя! — удивилась я.

— Все дороги ведут в Рим! — рассмеялся Володя и попросил:

— Сядьте, сядьте, пожалуйста! Ничего не вижу за вашими спинами.

А видеть он хотел Женю Евтушенко, который читал свою новую работу. Мы уселись. Я, по счастью, оказалась рядом с Володей. Мне было уютно на низком пуфике. Володя сидел на полу. Мы внимательно дослушали Женю и долго аплодировали ему. Огромная луна тоже слушала Женю. Она прямо-таки ввалилась в комнату и не оставляла нас целый вечер. Я рассматривала дивные портреты Марины Влади, обернулась и увидела фотографию Валеры Золотухина. Володя сказал:

— Я люблю его, Валеру. И еще Ваню Бортника.

Женя Евтушенко попросил Володю спеть:

— Володя, прошу тебя! Что-нибудь из своей классики.

И Володя запел «Кони». Он пел стоя и глядел в окно на сумасшедшую луну. Меня трясло. Я не могу рассказать о своем впечатлении: нет таких слов. Благодарить было невозможно. Опять же — как? Какими словами? Нет их.

Володя сказал мне: